А. СОБОЛЕВСКІЙ.

СТАТЬИ
ПО СЛАВЯНО-РУССКОМУ ЯЗЫКУ.

Отдѣльный оттискъ изъ „Русскаго Филологическаго Вѣстника“.

ВАРШАВА.
Въ типографіи М. Земкевича и В. Ноаковскаго.
Краковское-Предмѣстье, N 415 (15).
1883.

А. СОБОЛЕВСКІЙ.

СТАТЬИ ПО СЛАВЯНО-РУССКОМУ ЯЗЫКУ.

Отдѣльный оттискъ изъ „Русскаго Филологическаго Вѣстника“.

ВАРШАВА.
Въ типографіи М. Земкевича и В. Ноаковскаго.
Краковское-Предмѣстье, N 415 (15).

1883.

Дозволено Цензурою.

Варшава, 27 Декабря 1883 г.

Какъ произносилась въ древней Руси ѵ (ижица) послѣ согласныхъ?

Въ погодинскомъ Евангеліи N 13, XIII вѣка (Импер. Публичная Библ.), писанномъ, какъ это видно по взаимной смѣнѣ *ц* и *ч* (*сконьцаниѥ, отьцьство*, л. 41) и по постановкѣ *жг* на мѣстѣ церковно-славянскаго *жд* (*ижгеноуться*, л. 35 об.), въ новгородской области, — наше *у* постоянно передается черезъ *оу*, а наше *ю*—или черезъ *ю* (чаще, послѣ согласныхъ и гласныхъ), или же черезъ *у* (рѣже, исключительно послѣ согласныхъ):

поустыну (=поустыню), л. 33 об.,
г҃лу (=глаголю), ib.,
оподоблу (описка, вм. оуподоблю), ib.,
лутѣ, л. 34 (bis),
ицѣлу, л. 35 об.,
г҃лу, ib.,
изгону, л. 36 об.,
лубодѣи, ib.,
волу (=волю), л. 37 об.,
лута, л. 38.

Употребленіе *у* въ значеніи *ю* встрѣчается и въ болѣе древнихъ русскихъ рукописяхъ (гдѣ наше *у* передается постоянно черезъ *оу*), хотя въ нихъ оно является несравненно рѣже, чѣмъ въ указанномъ выше погодинскомъ Евангеліи:

Архангельское Ев. 1092 г. (Моск. Публ. Музей):
вьсу галилѣю, л. 27;
Добрилово Ев. до 1164 г. (Румянц. Муз.):
сътвору, л. 34, 141 об.,
оузьру, л. 37,
мору (=морю), л. 47, 98 об.,
кесару, л. 148;

Іоаннъ Лѣствичникъ XII в. (Рум. Муз., N 198):
всу любьве, л. 10 об.,
всу скърбь, л. 14 об.,
всу рать, л. 29,
всу псалтырь, л. 35 об. [1]).

На оборотъ, въ древнихъ русскихъ рукописяхъ *ю* употребляется часто на мѣстѣ *у* (греческаго υ) въ словахъ заимствованныхъ изъ греческаго языка: *Кюрилъ*, *Сюрия*, *Ѥгюпетъ*, *змюрна*.

Эти данныя позволяютъ заключать, что у Русскихъ X—XIII в. *у* послѣ согласныхъ произносилось какъ *ю*.

Вѣроятно, въ связи съ употребленіемъ *у* въ значеніи *ю* находятся тѣ описки, которыя состоятъ въ постановкѣ *оу* вмѣсто *ю* и которыя неособенно рѣдки въ древнихъ русскихъ рукописяхъ:

Добрилово Ев.: *твороу*, л. 15 об.,
гл҃оу (=глаголю), л. 44 об.;
Іоаннъ Лѣствичникъ XII в.: *мороу* (=морю), л. 17 об.,
вьсоу печаль, л. 28, и др.

---

[1]) Въ приведенныхъ примѣрахъ *у* находится не на концѣ строки.

Славянскій имперфектъ.

Существуетъ нѣсколько различныхъ мнѣній о происхожденіи славянскаго имперфекта, но всѣ они кажутся намъ до такой степени мало удовлетворительными въ научномъ отношеніи, что мы не считаемъ нужнымъ ни разбирать ихъ, ни даже приводить, тѣмъ болѣе, что и то и другое отчасти уже сдѣлано г. Брандтомъ (Рус. Филолог. Вѣстникъ 1881 г. N 4, стр. 260—262, 335—336), — и позволяемъ себѣ приступить прямо къ изложенію своего мнѣнія.

Изслѣдователи обыкновенно отдѣляютъ славянскій имперфектъ отъ славянскаго сигматическаго аориста, но нужно ли это дѣлать? Не вѣрнѣе ли думать, что имперфектъ есть не что иное, какъ именно этотъ аористъ?

Извѣстно, что сигматическій аористъ въ индо-европейскихъ языкахъ (а слѣдовательно, и въ индо-европейскомъ праязыкѣ) имѣетъ формы двухъ видовъ: одни, древнѣйшія, образуются черезъ присоединеніе личныхъ суффиксовъ m, s, t... прямо къ суффиксу аориста s, причемъ передъ m въ 1-мъ л. ед. ч. и n въ 3 л. мн. ч. развивается особаго рода a; другія происходятъ изъ первыхъ и отличаются отъ нихъ только тѣмъ, что подвергаясь вліянію формъ сильнаго аориста, усваиваютъ себѣ его окончанія, т. е. образуются черезъ присоединеніе къ s не m, s, t... а am, as, at... И тѣ и другія существуютъ въ санскритѣ и греческомъ языкѣ; въ послѣднемъ первыя имѣютъ представителей въ формахъ 1-го л. ед. ч. ἔλυ-σα, ἔπραξα (-σα изъ -s^{a}m), вторыя — въ гомерическихъ ἶξον, ἶξες (=ἶκ-σον, ἶκ-σες), δύ-σετο, ἐβή-σετο и въ обще-греческ. ἔλυ-σε, ἔπραξε. Если сравнимъ окончанія славянскаго имперфекта, отличныя отъ окончаній славянскаго симгмати-

ческаго аориста, съ окончаніями санскритскаго и греческаго аориста, именно ц. слав.

2 л. ед. ч.	*глаголаа-ше* съ скр.	adik-šas (š изъ s) и гр.	ἴκ-σες,
3 л. —	*глаголаа-ше* —	adik-šat —	*ἴκ-σε,
2 л. дв. ч.	*глаголаа-шета* —	adik-šatam —	*ἴκ-σετον,
3 л. —	*глаголаа-шета* —	adik-šatâm —	*ἰκ-σέτην,
2 л. мн. ч.	*глаголаа-шете* —	adik-šata —	*ἴκ-σετε,

то увидимъ, что они, какъ и нѣкоторыя изъ окончаній общихъ имперфекту съ аористомъ (*-хъ, -ховѣ, -хомъ, -хѫ*) [1], если не считать болѣе или менѣе незначительнаго различія въ личныхъ суффиксахъ, — совершенно тождественны. Слѣдовательно, имперфектъ имѣетъ окончанія сигматическаго аориста.

За окончаніями, ближе къ корню, мы находимъ въ славянскомъ имперфектѣ или одинъ гласный: *а, ѣ,* или два съ *j* между ними: *аја, ѣја* (ц. слав. *аа, ѣа* [2]), серб. *а̂, ија̂,* др. чеш. *aje, ěje,* нижне-луж. *ěja*). Въ первомъ случаѣ, т. е. въ формахъ *глагол-а-хъ, вид-ѣ-хъ* [3]), имперфектъ образованъ черезъ присоединеніе окончаній къ глагольнымъ основамъ на *а, ѣ (глагола-ти, глагола-лъ, глагола-ѩ, видѣ-ти, видѣ-лъ),* во второмъ, т. е. въ **глагол-аја-хъ,* **вид-ѣја-хъ* (ц.-слав. *глаголаахъ, видѣахъ)* — черезъ присоединеніе окончаній къ глагольнымъ основамъ на *аја, ѣја.*

---

[1]) Въ западно-славянскихъ языкахъ 3 л. мн. ч. сигматическаго аориста постоянно оканчивается на -хѫ. То же окончаніе изрѣдка имѣетъ оно въ языкахъ средне-болгарскомъ (Срезневскій, Памятники юсоваго письма, 61, 134, 166) и старо-сербскомъ (Даничић, Историја облика, 329).

[2]) Въ памятникахъ ц. слав. языка встрѣчаются также и формѣ съ *ѣѣ,* т. е. *ѣя, яя:* Супрасльск. рук. *ѣдѣѣхъ,* Ассеман. Ев. *ядѣѣше* и друг.

[3]) Что подобныя формы существовали въ обще-славянскомъ языкѣ, это доказывается древне-русскими *дивлѧху͠,* *кнѧжаше, нарицахусѧ, воеваху* (Повѣсть врем. л. по Лаврент. сп., 6, 7, 8) и друг., польск. biesze, biechѹ (Miklosich, Vgl. Gr. III², 449), которыя не могутъ быть объясняемы изъ **дивлѧјахусѧ,* **бѣјаше* и проч.

Основы на *аја* извѣстны, кромѣ имперфекта, также и въ настоящемъ вр., именно въ **им-аја-мь* (ц. слав. *имаамь* [1]), серб. *има̂м*, чеш. mám), **игр-аја-мь* (серб. *игра̂м*, чеш. hrám) и т. п.; основы же на *ѣја* дошли до насъ едва ли не въ одномъ только имперфектѣ. Можно бы ихъ находить въ чешскихъ формахъ въ родѣ umím, предполагая, что эти формы образовались изъ umiém, umiám, um-ěja-m, но долгота гласнаго основы здѣсь новѣйшая, заимствованная отъ формъ mám, hrám и т. п., какъ показываютъ словацкія формы umiem (съ краткимъ e), при mám, hrám; ср. польск. umiem (не umiam).—И такъ, способъ образованія имперфекта тотъ же, что и сигматическаго аориста.

Сравнивая корень глагола въ имперфектахъ *глаголахъ*, *видѣхъ* съ корнемъ глагола въ аористахъ *глаголахъ*, *видѣхъ*, мы видимъ, что они по звукамъ тождественны. Слѣдовательно, по звуковому составу корня имперфектъ не отличается отъ сигмат. аориста.

Все это позволяетъ отвѣтить на поставленный нами выше вопросъ утвердительно: имперфектъ есть не что иное, какъ сигматическій аористъ. Различіе между этими двумя формами первоначально заключалось въ различіи глагольныхъ основъ, отъ которыхъ они были образованы, и было видовымъ, т. е. имперфектъ и аористъ различались между собою тѣмъ только, что первый происходилъ отъ глаголовъ несовершеннаго вида, а второй — отъ глаголовъ вида совершеннаго. Окончанія, впослѣдствіи сдѣлавшіяся исключительною принадлежностью или имперфекта, или аориста, первоначально были общими и только съ теченіемъ времени такъ распредѣлились, что одни стали употребляться преимущественно въ глаголахъ несовершеннаго вида,

---

[1]) Миклошичъ (Vgl. Gr. III, 113) и другіе объясняютъ ц. слав. *имаамь* изъ **имајемь*, но чеш. mám ясно показываетъ невѣрность этого объясненія, такъ какъ чеш. á могло образоваться только черезъ стяженіе *аја*. Ср. Фортунатовъ, Sâma-veda-âranyaka-samhitâ, приложеніе, 20—21. Тамъ-же, 21—23, говорится и объ основахъ на *аја*.

другія — въ остальныхъ. Вѣроятно, это распредѣленіе окончаній и было первою причиною раздѣленія имперфекта и аориста. На нихъ стали смотрѣть какъ на двѣ различныя формы, и вслѣдствіе этого при глаголахъ несовершеннаго вида, имѣвшихъ первоначально только имперфектъ *(глаголахъ, видѣхъ)*, явился и аористъ *(глаголахъ, видѣхъ)* съ значеніемъ отличнымъ отъ значенія имперфекта, а нѣкоторые изъ глаголовъ совершеннаго вида, первоначально имѣвшіе только аористъ, образовали также и имперфектъ, по образцу уже существовавшихъ имперфектовъ на *-ѣхъ, -ѣјахъ, -ахъ, -ајахъ*. Такъ произошли имперфекты *дадѣхъ, *дадѣјахъ, двигнѣхъ, *двигнѣјахъ, печахъ, *печајахъ*. Что эти формы — новообразованія, явившіяся лишь тогда, когда уже существовали оба вида славянскаго переходнаго смягченія, на это указываетъ различіе въ способѣ смягченія гортаннаго въ имперфектахъ ц. слав. *печахъ, печаахъ*, др. русск. *печахъ*, чеш. и в. луж. pečech, н. луж. ṕečech съ одной стороны и сербск. *пецијах* (изъ **пецѣјахъ*) съ другой

Кстати нѣсколько словъ о русскомъ имперфектѣ. Формы его вовсе не сохранились въ современномъ языкѣ, не встрѣчаются въ древнихъ грамотахъ и актахъ и извѣстны только изъ русскихъ списковъ ц.-славянскихъ памятниковъ и подражавшихъ этимъ послѣднимъ русскихъ произведеній, а также изъ лѣтописей. Въ лѣтописяхъ русскій имперфектъ сохранился въ наиболѣе чистомъ видѣ. Онъ отличается отъ имперфекта ц. славянскаго тѣмъ, что имѣетъ только формы на *ахъ* (съ твердымъ или мягкимъ согласнымъ передъ *а*), которыя замѣняютъ собою не только ц. слав. формы на *-ахъ* и *-аахъ*, но и формы на *-ѣхъ* и *-ѣахъ*: *ростяше, хотяше, начьняше, видяше, дадяше* (Успенскій Сборникъ XII вѣка) [1]), *бѧху, живѧху, сѣдѧше, хо-*

---

[1]) Чтенія 1879 г. I, 2, 3, 4 (Житіе Өеодосія Печ.).

тѧше (Лаврентьевскій сп. лѣтописи) [1]) и друг. Не слѣдуетъ думать, чтобы формы, подобныя приведеннымъ нами, произошли изъ формъ на *ѣја* черезъ стяженіе, т. е. *бѧху* изъ **бѣяху, хотяше* изъ **хотѣяше*; они образовались инымъ путемъ, именно путемъ аналогіи: формы на *-ѣхъ, -ѣяхъ* подчинились вліянію многочисленныхъ формъ на *-ахъ*: *глаголахъ, лежахъ,* и усвоили себѣ ихъ окончаніе. Въ древне-русскихъ памятникахъ (кромѣ лѣтописей) нерѣдки также формы въ родѣ *бѧахж, живяаше, хотяаше, идяаше, видяахж, вѣдяахж* (Остромирово Ев.), но ихъ нельзя считать русскими, какъ нельзя считать и ц.-славянскими, такъ какъ они представляютъ соединеніе ц.-слав. формъ *бѣахж, живѣаше*... съ русскими *бяху, живяше*... и принадлежатъ не живому, а литературному, искуственному древне-русскому языку.

[1]) Повѣсть врем. лѣтъ, 7, 8. Въ памятникахъ встрѣчается форма *имѣяхъ* (наприм. *имѣяхомъ*, Скитскій Патерикъ 1296 года, Буслаевъ, Ист. Хр., 411), но очень рѣдко.

Нѣсколько рѣдкихъ формъ церковно-славянскаго аориста.

Нѣкоторые славянскіе глаголы съ согласнымъ въ исходѣ корня имѣютъ два сигматическихъ аориста: одинъ (по Миклошичу, второй) образуется чрезъ присоединеніе суффикса аориста къ корню съ суффиксомъ *а*, или къ основѣ настоящаго времени (*несо-хъ, ядо-хъ*); другой (по Миклошичу, первый) — чрезъ присоединеніе этого суффикса прямо къ корню (*нѣсъ, ясъ* изъ **нес-съ, *яд-съ*). Послѣдній встрѣчается сравнительно рѣдко и формы его 2-го и 3-го лицъ ед. ч. до сихъ поръ считались неизвѣстными въ церковно-слав. языкѣ. Но мы нашли ихъ нѣсколько какъ въ собственно ц.-слав. рукописяхъ, такъ и въ ихъ русскихъ спискахъ:

Ассеманіево Ев.: *отвѣ* (= онъ отвѣтилъ; Ламанскій, О славянск. рукоп., 62),

Саввина книга: *отъвѣ* (= id., Срезневскій, Пам. юс. п., введеніе, 165),

Святославовъ сборникъ 1073 г.: *я* (= онъ ѣлъ; л. 101, bis),

Архангельское Ев. 1092 г.: *обрѣ* (= εὗρεν, Матѳ. XX, 6; л. 159),

Добрилово Ев. до 1164 г.: *обрѣ* (= id., Іо. I, 46; л. 5 об.),

Кириллъ Іерусалимскій XII—XIII в.: *сѣ* (= ἐκάθισεν, Описаніе рук. синодальн. библ., 2, II, 51).

Сравни въ сербскихъ памятникахъ формы 2 и 3 л. ед. ч. аориста **ѣ* и *нѣ* (Даничић, Историја облика, 320; Miklosich, Vgl. Gr. III², 231).

Приведенныя нами формы произошли изъ древнѣйшихъ **-вѣ*-st (изъ **вѣт*-st), **-рѣ*-st (изъ **рѣт*-st), **я*-st (изъ **яд*-st), **сѣ*-st (изъ **сѣд*-st), въ которыхъ два послѣдніе согласные, по закону, отпали.

Склоненіе мѣстоименія *сь* въ славянскомъ языкѣ.

Въ склоненіи мѣстоименія *сь* (основа si-, литовск. szi-) можно различать три вида падежныхъ формъ. Большая часть ихъ—несомнѣнно новообразованія [1]), именно

Ед. ч.	Имен.-вин.	*се*	образованъ по образцу	ѥ
	Род.	*сего, сеѩ* (др.-р. *сеѣ*)		*ѥго, ѥѩ* (*ѥѣ*)
	Дат.	*сему, сеи*		*ѥму, ѥи*
	Твор.	*симь, сеѭ*		*имь, ѥѭ*
	Мѣстн.	*семь, сеи*		*ѥмь, ѥи*
Дв. ч.	Род.-мѣстн.	*сею*		*ѥю*
	Дат.-твор.	*сима*		*има*
Мн. ч.	Род.-мѣстн.	*сихъ*		*ихъ*
	Дат.	*симъ*		*имъ*
	Твор.	*сими*		*ими* [2]).

Нѣсколько формъ принадлежатъ не мѣстоименію *сь*, а мѣстоименію **сьи* (ц.-слав. **сии*), однороднаго и по происхожденію, и по склоненію съ мѣстом. **чьи*, ц.-слав. *чии* (=*чей*). Отъ него произведены слѣдующія формы:

Ед. ч. Вин. **сьѭ* (ц.-слав. *сиѭ*, др.-русск. *сью* [3])

Дв. ч. Им.-вин. **сья* (ц.-слав. *сия*)

Мн. ч. Им.-вин. **сьѩ* (ц.-слав. *сиѩ*, др.-рус. **сьѣ*) [4]).

---

[1]) Съ этимъ согласенъ и Остгоффъ: Morphologische Untersuchungen, IV, 168, примѣч. Ср. Leskien, Die Declination im Slavisch-litauischen und Germanischen, 110. Другое славянское мѣстоименіе съ основою на i, *чь-то* (основа ki-), точно также утратило свои древнія формы (кромѣ род. *чьсо*) и образовало новыя по образцу формъ мѣстоименія *и*.

[2]) Современныя русскія формы: им. ед. жен. р. *ся*, вин. *сю*, им.-вин. мн. *сѣ* образованы такъ же, какъ *сего* и др.; но когда, одновременно ли съ *сего*, или позже,—нельзя рѣшить.

[3]) Въ Архангельскомъ Ев.: въ *сью* нощь (л. 59 об.).

[4]) Въ Толковой Псалтыри XII в. (Имп. Публ. Библ., F. I, 23): въ рубѣхъ... но *сья* растрьзавъ... (л. 34); въ Арханг Ев.: *сьѧ* притъчѧ рече имъ і҃съ (л. 6).

Изъ остальныхъ затѣмъ формъ о формѣ им. ед. жен. р. *си* можно думать, что она принадлежитъ къ числу новообразованій (по образцу *пустыни*, *радощи* и т. п.), такъ какъ форма этого падежа отъ основы si- должна звучать *сь* (сравни литовск. им. ед. жен. р. szi, слав. *кость*, *вѣсть*); то же можно думать и о формѣ им. мн. муж. р. *си*, такъ какъ этотъ падежъ отъ основы si- долженъ имѣть форму *сьѥ*, ц.-слав. **сиѥ* (сравни **трьѥ*, ц.-слав. *триѥ*, др.-рус. *трьѥ*, **четырьѥ*, ц.-сл. *четыриѥ*, **гостьѥ*, ц.-слав. *гостиѥ*, др.-рус. *гостьѥ* и т. п.).

Что касается до формъ им.-вин. ед. муж. р. *сь*, им.-вин. дв. жен. и ср. р. *си*, им.-вин. мн. ср. р. *си* (съ последнею сравни формы *три*, *четыри*), то они — формы древняго склоненія мѣстоименія *сь*, точно такъ же какъ и формы: вин. ед. жен. р. *сь* (ср. *кость*, *вѣсть*), им.-вин. ед. ср. р. *сь* (ср. *чь-то*, основа ki-) и мѣстн. ед. жен. р. *си* (ср. *кости*, *вѣсти*). Первая употребляется исключительно въ такихъ соединеніяхъ, какъ

русск.	ново-болг.	сербск.	словинск.
ноче-сь [1])	*ноште-с*	*ноћа-с*	noče-s
вёсну-сь			
осене-сь	*јесене-с*	*јесена-с*	
зиму-сь	*зимж-с*	*зиму-с*	zimu-s.

Вторая встрѣчается: 1.) въ соединеніяхъ, подобныхъ вышеприведеннымъ, именно въ

русск.	ново-болг.	серб.	словинск.	польск.
утро-сь			jutro-s	
лѣто-сь [2])	*лѣто-с*	*љето-с*	leto-s	lato-ś;

2.) въ такихъ соединеніяхъ, какъ великор. *здѣ-сь*, *лони-сь* (въ прошедшемъ году), *вчера́-сь*; здѣсь она имѣетъ указательное значеніе (ср. соврем. великор. *тутъ*, др.-рус. *ту-то*); 3.) въ такихъ соединеніяхъ, какъ соврем. малор. *хто-сь*, *що-сь*, *де-сь*, *коли-сь*, польск. kto-ś, co-ś, gdzie-ś, kiedy-ś,

---

[1]) Въ Златоструѣ XII в. *ночьсь* (Словарь Востокова).

[2]) Это соединеніе находится въ синодальномъ Патерикѣ XII в. (Буслаевъ, Ист. Хр., 337).

чешск. kdo-s, co-s, kde-s, kdy-s и т. д.; здѣсь оно придаетъ мѣстоименіямъ и мѣстоименнымъ нарѣчіямъ значеніе неопредѣленности (ср. великор. *кто-то, что-то, когда-то,* въ которыхъ то же дѣйствіе производитъ форма *то*).

Третья находится въ ц.-слав. *си-нощи*, др.-русск. *си-ночи* [1]), ново-болг. *си-нокь* (Miklosich, Vgl. Gr. I^2, 380), серб. *си-ноћ* (вчера вечеромъ). Весьма возможно, что она входитъ въ составъ также ново-болг. *с-нощи*, словинск. s-noči, чеш. s-noci, только неударяемое *и* послѣ *с* здѣсь исчезло, какъ исчезло *и* въ концѣ *си-нокь* и *си-ноћ*.

---

[1]) Повѣсть врем. лѣтъ по Лаврент. сп., 177.

Русско-болгарскія формы *що, шчо, шо.*

Форма *що* (т. е. *шшо,* съ двумя мягкими *ш*) встрѣчается во многихъ говорахъ, какъ южно- такъ въ особенности сѣверно-великорусскаго нарѣчія [1]); формы *шчо, шо* существуютъ въ малорусскомъ нарѣчіи, гдѣ пользуются почти полнымъ господствомъ, и въ македонскихъ говорахъ ново-болгарскаго языка.

Формы *що, шчо* обыкновенно считаютъ происшедшими изъ *чьто* [2]) чрезъ посредство формъ *что, што, штё,* но съ такимъ объясненіемъ невозможно согласиться, такъ какъ мягкость *ш* въ *што* (необходимо предполагать, что оно было нѣкогда мягкимъ) не могла повліять на послѣдующее твердое *т* и смягчить его, и форма *штё,* на которой основываются объяснители, сама обязана своимъ происхожденіемъ формѣ *що*. Послѣднее видно между прочимъ изъ того, что форма *штё* извѣстна только въ нѣкоторыхъ изъ сѣверно-великорусскихъ говоровъ, именно въ тѣхъ, въ которыхъ рядомъ съ нею существуетъ *що,* и совершенно неизвѣстна въ говорахъ, не знающихъ употребленія *що*. По другому объясненію, *що, шчо* произошли изъ *чо* [3]), но и съ нимъ невозможно согласиться, такъ какъ въ пользу его

---

[1]) Большая часть ихъ поименована у Колосова, Обзоръ звук. особ., 237.

[2]) Потебня, Два изслѣдованія, 70, Къ исторіи звуковъ, II, 47; Житецкій, Очеркъ, 167; Колосовъ, Обзоръ, 188; Miklosich, Vgl. Gr., I², 383, 457.

[3]) Кочубинскій, Основная вокализація плавныхъ сочетаній, I, 51.

не имѣется никакихъ данныхъ. По нашему мнѣнію, *що, шчо, шо* образовались изъ *чьсо*.

Если мы заглянемъ въ памятники древне-русскаго языка, то увидимъ, что форма род. п. *чьсо* въ нихъ иногда употребляется въ значеніи имен. и вин. п., подобно тому, какъ она (czso) употребляется въ древне-чешскомъ и древне-польскомъ языкахъ:

Архангельское Ев.:
слава моя *нич'со* же юсть (л. 4 об.),
не въпросите *ничсо* же (л. 19 об.);

Добрилово Ев.:
без него не бы^с *ничьсо* же (л. 2 об.),
не можеть сн҃ъ творити *ничсо* же (л. 11),
иже аще кльнѣтьсѧ црквью *ничсо* же юсть (л. 78 об.);

Румянцевское Ев. XII—XIII в. (N 104):
ни въсхытить ихъ *ничьсо* же (л. 21);

Ев. Георгія сына попа Лотыша 1270 г. (Рум. М. N 105):
нечсо (=нѣчсо) просѧщи (л. 43),
ничсо же юсть (л. 46);

Галицкое Ев. 1266 г. (Имп. Публ. Б. F. I. 64):
без него *ничсо* же не бы҃с. юже бысть (л. 1 об.);

Холмское Ев. XIII в. (Рум. М. N 106):
аще *чсо* просите (л. 24),
аще *чсо* въпросите (л. 26 об.) [1]).

Въ большей части приведенныхъ примѣровъ форма *чьсо* несомнѣнно имѣетъ значеніе имен. или вин. п., въ

[1]) Съ употребленіемъ формы *чьсо* въ значенім имен. или вин. п. тѣсно связано употребленіе формы *чьто* въ значеніи род. п., встрѣчающееся въ древнихъ сѣверно-русскихъ рукописяхъ нерѣдко: Толстовскій сборникъ XIII в. (И. Публ. Б., Q. I. 18): *что* ради (л. 64, 131 об., 133 ter, 138 об. и др.), Румянц. Ев. XIII—XIV в. N 107: *что* ради (л. 78), Толковый Апокалипсисъ XIV в. (Рум. М. N 8): *что* ради (л. 11 об.), *ничто* же не боисѧ (л. 12 об.), рукопись XV в.: *что* ради (Тихонравовъ, Пам. отреч. р. литер., II[1], 46, 56).

меньшей — она можетъ быть объясняема и какъ имѣющая значеніе вин., и какъ имѣющая значеніе род. п. Рукописи, изъ которыхъ заимствованы нами примѣры, отчасти принадлежатъ сѣверной Руси (новгородской области), отчасти ведутъ свое происхожденіе изъ южной Руси.

Употребленія формы *чьсо* въ значеніи имен. и вин. п. мы не находимъ въ памятникахъ ни церковно-слав., ни средне-болгарскаго языка, но что оно въ нихъ существовало, на это ясно указываютъ такія новообразованія, какъ род. *чьсого*, дат. *чьсому*, мѣстн. *чьсомь*, предполагающія им п. *чьсо* и относящіяся къ нему, какъ *того*, *тому*, *томь* относятся къ *то* [1]).

И такъ, форма *чьсо* какъ въ церк.-слав. и средне-болгарскомъ языкахъ, такъ и въ обоихъ, сѣверномъ и южномъ, нарѣчіяхъ русскаго языка употреблялась нѣкогда въ значеніи имен.-вин. п. Когда *ь*, находившійся въ древности между *ч* и *с*, исчезъ и эти два согласныхъ очутились рядомъ, они должны были ассимилироваться другъ съ другомъ. Въ западно-славянскихъ нарѣчіяхъ *ч* въ czso подчинилось вліянію *с* и перешло въ *ц*, такъ что получилось cso, откуда съ одной стороны у Чеховъ, Поляковъ, Лужичанъ co, съ другой у Словаковъ-сотаковъ зо. У Русскихъ и Болгаръ, наоборотъ мягкое *ч* подчинило своему вліянію *с* [2]) и это послѣднее перешло въ *ш*, также мягкое, такъ что явилась форма **чшо* (оба согласные мягки), давшая сначала *шшо* (=великорусск. *що*), потомъ чрезъ диссимиляцію двухъ *ш*—*шчо*, а чрезъ выпаденіе одного изъ нихъ —*шо*.

---

[1]) Ср. Leskien, Die Declination, 113.

[2]) Въ русскомъ языкѣ *чс* обыкновенно переходитъ въ *ц*: *грецкій*, *дурацкій*, *нѣмецкій* изъ *гречьскыи*, *дурачьскыи*, *нѣмьчьскыи*, но указывать на это обстоятельство, какъ на противорѣчащее нашему объясненію формъ *що* и пр., не слѣдуетъ въ виду уже одного того, что тѣсная связь между *чсо* и другими формами мѣстоименія *чьто* легко могла доставить при ассимиляціи *ч* и *с* перевѣсъ первому звуку подъ вторымъ.

Съ формами *що, шчо* не слѣдуетъ смѣшивать русско-словацкой формы *чо*, čо (въ говорахъ, мѣняющихъ *ч* на *ц*—*цо*). Они совершенно различны по происхожденію, такъ какъ форма *чо* есть не что иное, какъ рефлексъ древней формы *чь*, которая входитъ въ составъ *чь-то*, такой же рефлексъ, какъ и чеш. če, сербско-чакавское *ча*.

Русск. род.-вин. п. *мнѣ, мня.*

Въ великорусскомъ пѣсенномъ языкѣ мы встрѣчаемъ иногда въ значеніи род.-вин. п. ед. ч. мѣстоименія 1-го лица формы *мнѣ, мня*: симбирск. вамъ убить *мне* не за что (Кирѣевскій, Пѣсни, I, 20), олонецк. у *мня* есть своей казны, у *мня* сынъ будё, убили у *мня* братца, дѣло было у *мня* дѣлано (Гильфердингъ, Он. Был., 1202, 1189, 1190, 1192) и друг. Гильфердингъ постоянно пишетъ *м'не, м'ня,* желая показать, что въ этихъ формахъ онъ видитъ выпускъ *е.* Выпускъ гласныхъ, не имѣющихъ на себѣ ударенія, дѣйствительно встрѣчается въ языкѣ нашихъ пѣсенъ, но слѣдуетъ ли думать, что онъ имѣлъ мѣсто въ данномъ случаѣ? Не слѣдуетъ ли видѣть въ формахъ *мнѣ, мня* одинъ изъ тѣхъ архаизмовъ, которыми изобилуетъ нашъ пѣсенный языкъ? Существованіе въ малорусскихъ говорахъ формы род.-вин. *мня* [1]) и историческія данныя заставляютъ насъ дать на послѣдній вопросъ положительный отвѣтъ. Нѣкоторые изъ древнихъ памятниковъ русскаго письма указываютъ намъ на существованіе въ древне-русскомъ языкѣ формы род.-вин. п. ед. ч. *мне,* напр.:

Отрывокъ Стихираря XII вѣка (М. Публ. М. N 1729):

проси ѿ *мне* (л. 1);

---

[1]) Г. Потебня считаетъ малор. форму *мня* происшедшею изъ *мъя, мя* (Къ исторіи звуковъ, II, 16), но съ его объясненіемъ нельзя согласиться въ виду того, что форма *мня* употребляется не только въ тѣхъ малорусскихъ говорахъ, гдѣ извѣстна замѣна *м* черезъ *мн* и гдѣ вмѣсто *румяний, мясо* говорится: *румняний, мнясо,* но и въ тѣхъ, гдѣ этой замѣны не существуетъ (наприм., въ говорѣ Лемковъ; Науковый Сборникъ 1865 г., III, 143.).

Паремейникъ XII—XIII в. (М. Типогр. Б. N 157):

сѧ ѿвьргоша *мне* (л. 10),

мне не увѣда (ib.),

не послушаѥте *мне* (л. 11, 12),

не .... обличи *мне* (л. 13),

възи(щу)ть *мне* (л. 15),

ѿстоить ѿ *мне* (л. 56),

не ты *мне* създа (л. 56 об.);

Евангеліе XIII вѣка (М. Тип. Б. N 7):

напоисте *мне*,

въведосте *мне*,

одѣсте *мне*,

посѣтисте *мне* (л. 149 об.).

Изъ указанныхъ памятниковъ въ первыхъ двухъ встрѣчается взаимная смѣна *ц* и *ч*, обычная въ новгородскомъ говорѣ.

Древне-русскій род.-вин. *мне* (изъ **мъне*; сравн. дат. *мънѣ* и твор. *мъною*), откуда современныя великорусскія формы *мнѣ* [1]), *мня* и малорусская *мня*,—одного происхожденія съ род. п. польск.-чешск. *mnie*, словацк. *mňa*, в.-луж. *mńe*, н.-луж. *mńo* и отличенъ по образованію отъ ц.-слав.-сербск.-словинск.-малорусск. *мене*, в.-русск. *менѣ*, *меня*.

---

[1]) Объ *ѣ* въ *мнѣ* см. въ нашихъ „Изслѣдованіяхъ въ области русской грамматики“, 37 (Р. Фил. В. 1881 г. N 3, стр. 51).

Малорусск. *бути.*

Въ малорусскомъ языкѣ великорусскимъ *быти, былъ, была, было, были* соотвѣтствуютъ формы *бути, булъ, була, було, були.* Въ какомъ отношеніи находятся эти формы между собою?

Максимовичъ замѣтилъ: „Въ санскритскомъ языкѣ *бу* значитъ *быть.* Это приводитъ къ мысли, что южно-русская форма сего глагола есть древнѣйшая“ (Собраніе сочиненій, III, 412, прим.).

Г. П. Лавровскій вполнѣ согласился съ Максимовичемъ: „не *ы*, говоритъ онъ, смѣнилось посредствомъ *у*, а *у* осталось отъ первобытныхъ временъ, не допустивши развитія въ *ы*, принятаго всѣми славянскими нарѣчіями“ (Журн. Мин. Нар. Пр. 1859 г., VI, 235).

Г. Потебня высказалъ слѣдующее мнѣніе: „Память о низкомъ произношеніи *ы* сохранена въ малорусскомъ (но не общемъ) *бути, бувъ* и производныхъ, изъ *быти, былъ.* Формы съ *у* свойственны украинскому, подольскому, галицкому, но въ карпатскомъ *ы*: *быти, бывъ емъ,* въ заблудовскомъ тоже *бывъ, былй* (съ малор. удареніемъ). О предположеніи, что *у* въ *бути* вовсе не предполагаетъ общеславянскаго *ы*, а есть древнѣйшій звукъ, непосредственно примыкающій къ û въ санскр. корнѣ bhû, скажемъ то же, что и о предположеніи, что *і* въ малор., = ст.-слав. *ѣ*, не предполагаетъ этого *ѣ*, а есть древнѣйшее. Не только всѣ славянскія нарѣчія предполагаютъ *ы* въ *быти,* не только нѣкоторые малор. говоры сохранили ту же форму, но и самъ украинскій говоръ при *бути* имѣетъ и слова того же корня съ *и* вмѣсто *ы*; таково *би* въ союзѣ *аби,* въ сущ. *небилиця, билина*“ (Два изслѣдованія, 122—123; ср. Отчетъ о 20-мъ присужденіи Увар. нагр., 808).

Г. Житецкій заявилъ свое согласіе съ мнѣніемъ г. Потебни, что въ отношеніи къ *у* изъ *ы* „миновать славянской стадіи нельзя“, потому что если обойти ее, то „при-

шлось бы, вопреки основнымъ положеніямъ науки, отдать малорусскому нарѣчію археологическое предпочтеніе предъ нарѣчіемъ древне-славянскимъ" (Очеркъ звуковой исторіи малор. нар., 6).

По мнѣнію г. Ягича, *у* въ *бути* произошло изъ дифтонга ui, въ которомъ второй элементъ, i, былъ вытѣсненъ первымъ (Archiv für Slav. Phil., II, 358).

Всѣ эти объясненія не имѣютъ достаточно правдоподобія: намъ неизвѣстно случаевъ ни перехода индо-евр. û въ *у*, ни образованія слав. *у* изъ *ы* или изъ праслав. дифтонга ui, и мы не имѣемъ никакихъ основаній думать, что *у* въ *бути* образовалось какимъ-нибудь исключительнымъ путемъ.

Существуетъ еще объясненіе, предложенное впервые г. Брюкнеромъ (Archiv f. Sl. Ph., III, 242), по которому *бути* развилось изъ *быти* подъ вліяніемъ *буду*. Хотя оно просто и естественно, а также согласно съ данными древнихъ памятниковъ южно-русскаго письма, въ которыхъ встрѣчается только *быти*, однако мы должны его отвергнуть. Формы, подобныя *бути*, не составляютъ исключительной принадлежности малорусскаго нарѣчія; въ чешскихъ, моравскихъ и словацкихъ говорахъ мы находимъ формы bul, buł (Šembera, Zakladové dialectologie česko-slov., 16, 53, 78), въ лужицкомъ Новомъ Завѣтѣ 1548 года мы читаемъ: ja chczu *butcz* wuczisczony (Archiv f. Sl. Ph., I, 205), и нѣтъ никакихъ основаній считать формы съ *у* развившимися независимо другъ отъ друга и не находящимися между собою въ близкомъ родствѣ.

Принимая въ соображеніе приведенныя западно-славянскія формы, а также формы ц.-слав. *слути, плути, снути, трути, (об)ути*, польск. kuć, ц.-слав. *чути, плюти, рюти*, польск. żuć, чешск. blíti, klíti, мы полагаемъ, что *у* въ *бути* можетъ восходить къ глубокой древности и быть рефлексомъ праслав. au. Отношеніе *бути* къ *быти* можетъ быть совершенно такимъ же, какъ отношеніе ц.-слав. *слути, плути* къ русск. *слыть, плыть* и литовск. rauti, mauti, krauti къ обще-слав. *рыти, мыти, крыти*.

Русское начальное *о* = ц.-слав. ѥ.

Достопочтенный славистъ профессоръ И. В. Ягичъ въ своемъ изслѣдованіи о видахъ рефлексированія въ славянскихъ яз. древнихъ *е*, *ѣ*, ѧ коснулся между прочимъ вопроса о происхожденіи *о* въ началѣ такихъ русскихъ словъ, какъ *осень, олень* (Archiv für Slav. Philologie, V, 575—580). Какъ извѣстно, гг. Потебня (Къ исторіи звуковъ р. яз., I, 17—24) и Миклошичъ (Vgl. Gramm., I,[2] 74—76), на основаніи весьма вѣскихъ данныхъ, согласно рѣшили, что это *о* восходитъ къ дославянскому *а*, между тѣмъ какъ *е* въ *ѥсень*, *ѥлень* восходитъ къ дославянскому *е*; но г. Ягичъ не нашелъ для себя возможнымъ согласиться съ ихъ рѣшеніемъ и высказалъ мнѣніе, что русское начальное *о* восходитъ къ *е* (изъ je) и возникло на русской почвѣ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ другіе славянскіе яз., а также языки литовской и нѣмецкой группы, на мѣстѣ этого *о* имѣютъ *е*.

Такое мнѣніе нельзя признать выдерживающимъ критику. Г. Ягичъ излишне увлекается своей теоріей и не обращаетъ должнаго вниманія на факты, даже на тѣ, которые указаны имъ же самимъ. Такъ, онъ объявляетъ *о* въ русск. *осень* происшедшимъ изъ *е*, хотя самъ же упоминаетъ о прусск. assanis и готск. asanis, которыя, взятыя вмѣстѣ, не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что *о* въ *осень* восходитъ къ дослав. *а*. Точно такъ же въ *о* въ русск. *олень* онъ видитъ рефлексъ *е*, хотя самъ же указываетъ на ц.-слав. *алъни*, обще-слав. *лань*, прусск. alne, латыш. alnis, которыя въ своей совокупности вполнѣ убѣждаютъ въ томъ, что это *о* не можетъ быть рефлексомъ *е*. Почтенный ученый въ доказательство своего мнѣнія не представляетъ никакихъ новыхъ доводовъ; онъ опирается на

тѣ же данныя, которыя уже имѣли въ виду гг. Потебня, Миклошичъ и друг., именно на др.-русск. союзъ *оже* и на русскія собственныя имена *Олена, Орина* и т. п., но эти данныя, кажется намъ, вовсе не указываютъ на существованіе въ русскомъ яз. перехода начальнаго *е* въ *о*.

Древне-русск. и современный малорусскій союзъ *оже, ожъ* что, если [1]), не имѣетъ ничего общаго съ мѣстоименіемъ *ѥже*. Онъ представляетъ соединеніе двухъ частицъ *о* и *же*, подобное тѣмъ, которыя представляютъ др.-русск. *а-же* что, если, соврем. русск. *ажъ* такъ что, др.-русск. *иже, иж* [2]), ст.-польск. iże, iż что. Частица *о*—мѣстоименнаго происхожденія; она находится также въ союзахъ и нарѣчіяхъ: др.-русск. *о-ть* чтобы (сравни др.-русск. и чешск. *ать* чтобы) [3]), соврем. малорусск. *о-би* чтобы (сравни малор. *а-би* чтобы) [4]), др.-русск. *о-ли* даже [5]), серб. *о-ли* или (сравни *а-ли, и-ли*); она же является съ указательнымъ значеніемъ въ др.-русск. *о-то, о-се, о-но* [6]) вотъ, в.-русск. *в-о-тъ, в-о-нъ* en, *а-в-о-сь* utinam [7]). Съ нею близко родственны частицы: зенд. aṭ, греч. ἀτ- (ἀτ-άρ), латинск. at. Частица *е*, которую мы находимъ въ ц.-слав. *е-се* en, в.-русск. *э-тотъ, э-дакой, э-кой, э-но, э-во*, сербск. *е-то, е-во* en, *е-ле* только, по крайней мѣрѣ (сравни польск. a-le),

---

[1]) „Мновъ люде журятся, *ожъ* я гола буду“ (Житецкій, Очеркъ зв. ист., 335).

[2]) Полоцкая грамота 1396 года: сознаваю..., *иж* позволи[x] есми (Русско-Ливонскіе Акты).

[3]) Русская Правда по списку XIII вѣка: дати лице, *оть* идеть до коньчьнаго свода (Русск. Достопамятности, I, 36).

[4]) „Ссучи ми (волоки), *оби* ся не рвали“ (Головацкій, Пѣсни Гал. и Уг. Руси, III, 241).

[5]) Лаврентьевскій сп. лѣтописи: поя псалмы *оли* и до полунощья (Повѣсть врем. лѣтъ по Лавр. сп., 129).

[6]) Ibidem: *оно* ти сѣдить вранъ (130).

[7]) Въ старомъ русскомъ яз. *авось* значитъ иногда: а вотъ, а вдругъ, наприм.: „слышавъ такія слова не извѣстилъ простотою своею, боясь про такія слова и говорить, да и страха ради, *авось* онъ, Гришка, въ тѣхъ вышеписанныхъ словахъ запрется“ (Есиповъ, Раскольничьи дѣла XVIII вѣка, I, 70).

относится къ *о* такъ же, какъ лат. et относится къ at. Вслѣдствіе этого указывать на *о* въ *оже,* какъ на происшедшее изъ *е* на русской почвѣ,—нельзя.

Относительно словъ въ родѣ *Олена* Ἑλένη слѣдуетъ имѣть въ виду: 1) то, что они не составляютъ исключительной принадлежности русскаго яз., потому что въ средне-болгарской Болонской Псалтыри мы читаемъ: людемъ *ѳѳиопъскомъ* (Срезневскій, Памятники юсов. письма, 367; ср. Miklosich, Lexicon, v. *ѥѳиоплѣнинъ*), а въ средне-болг. Македонскомъ Апостолѣ мы находимъ: *Орьми(о)ни* Ἑρμιονίας (Срезн., Свѣд. и Зам., LXVII, 482); 2) то, что *о* въ нихъ, какъ въ словахъ чуждыхъ русскому языку, очень легко могло образоваться путемъ искаженія или осмысленія (сравни напр. *Орина* Εἰρήνη и *орати, Ольшье* Ἑλισσός [1]) и *лѣсъ),* и 3) то, что эти слова вошли въ русскій яз. изъ средне-греческаго, фонетика котораго значительно отличается отъ древне-греческой и приближается къ ново-греческой. Мы знаемъ, что *е* въ др.-русск. *генварь* Ἰανουάριος, *Елумьпіада* Ὀλυμπιάς (Минея XI в. Моск. Типографск. Библ. N 234, л. 31), *з* въ др.-русск. *змюрна* σμύρνα, *измарагдъ* σμάραγδος, j въ др.-русск. *Еюптъ* Αἴγυπτος (Изборникъ Святослав. 1073 г., Начальная Лѣтопись по Лаврент. сп.) и друг. образовались на греческой, а не на русской почвѣ (съ *генварь* сравни ново-греч. γενάρης, съ *Елумьпіада* — ново-греч. Élimbos Олимпъ, Curtius' Studien z. griech. u. Latein. Gramm., V, 371). Поэтому можетъ быть, что *о* въ нѣкоторыхъ изъ такихъ словъ, какъ *Олена,* также греческаго происхожденія; съ ними сравни ново-греч.: ovrjós = др.-греч. ἑβραῖος, omnostjá = εὐνοστία (Curtius' Studien, IV, 242, 252), oχtrós = ἐχθρός, ótimos = ἕτοιμος (ib., V, 369), ὄργον = ἔργον (Kuhn's Zeitschrift, XV, 146). Необходимо также имѣть въ виду, что *о* словъ, какъ *Олена,* могло образоваться въ нѣкоторыхъ случаяхъ изъ *а,* въ которое на греческой почвѣ перешло *е.* На это указываютъ съ одной стороны ц.-слав. *Авьтухъ*

---

[1]) Брунъ, Опытъ соглашенія противоположныхъ мнѣній о Геродотовой Скиѳіи, XXVII.

Εὐτύχιος (Срезневскій, Пам. юс. п., 150), ср.-болг. *Амилиѣнъ* Αἰμιλιανός (id., Св. и Зам., LXXII, 482), др.-серб. *аксаѣь* ἐξάγιον (Miklosich, Lexicon, h. v.), съ другой такія ново-греческія слова, какъ ἀχεῖ = др.-греч. ἐχεῖ, ἀγκαλέω = ἐγκαλέω, ἄξαππα = ἐξαίφνης (Kuhn's Z., XV, 143, 180). Въ этихъ случаяхъ русское *о* такого же происхожденія, какъ *о* въ *Олександръ, Олексѣй.*

Вслѣдствіе всего этого ссылаться на *о* въ *Олена* и т. п., какъ на доказательство существованія въ древне-русскомъ языкѣ перехода начальнаго *е* въ *о*,—нельзя.

Если нѣтъ доказательствъ существованія въ русскомъ яз. перехода начальнаго *е* въ *о*, то есть доказательство его отсутствія. Въ великорусскомъ нарѣчіи до сихъ поръ существуетъ начальное *е* безъ преіотаціи: *этотъ, экой, эдакой, эво, эно.* Теперь оно рѣдко; въ др.-русскомъ яз. мы встрѣчаемъ его чаще: *етеръ* (Четвероевангеліе XII в. Моск. Типогр. Б. N 1, лл. 22 об., 23 об., 31 об., 34, 36 об., 40 об., 109, 112, 117, 117 об., 119 об., 120, 124 об., 125, 185 об.), *еда* (ib., лл. 13, 13 об., 16, 22, 24, 25 и др., Юрьевское Ев. 1119—1128 г., лл. 4, 15, 15 об., 17, 18, 19, 20, 21, 23, 32 об. и др., Галицкое Ев. 1143 г., лл. 14, 14 об., 18 об., 25 об., 29, 35 и др.), *еи* ναί (Остромирово Ев., Юрьевское Ев., лл. 31 об, 35 об., 43, 44, 51 об., 55 об., 61 об., 64 об. и др., Галицкое Ев., лл. 10, 19 об., 24, 34 об., 46 и др.) [1]). Отпаденіе j передъ *е* — если оно когда-нибудь имѣло мѣсто — во всѣхъ или въ нѣкоторыхъ изъ этихъ примѣровъ произошло еще въ обще-славянскій періодъ; это мы говоримъ, основываясь на полномъ тождествѣ звуковъ въ русск. *это, эво, эно* и въ сербск. *ето, ево, ено.* Если бы въ русскомъ яз. существовалъ когда-нибудь переходъ начальнаго *е* въ *о*, то безъ сомнѣнія *е* въ *этотъ* и т. п. перешло бы въ *о*; такъ какъ этого не случилось, то слѣдуетъ думать, что и самаго перехода *е* въ *о* никогда не существовало.

---

[1]) Въ указанныхъ памятникахъ начальное *е* въ другихъ словахъ обыкновенно бываетъ съ преіотаціей.

Греко-славянскіе этюды.

При изученіи греческихъ словъ, вошедшихъ въ письменность древнихъ Болгаръ, Сербовъ и Русскихъ, необходимо прежде всего имѣть въ виду то, что Славяне-переводчики передавали ихъ на своемъ языкѣ не всегда такъ, какъ они писались погречески, а часто такъ, какъ они произносились въ современной имъ живой греческой рѣчи. Такъ, въ церковно-славянскихъ памятникахъ мы находимъ написанія *ангелъ, фарисеи, икона*, передающія не правописаніе Грековъ византійскаго періода ἄγγελος, φαρισαῖος, εἰκών, а ихъ произношеніе ánγelos, fariséos, ikón. Точно такъ же въ церковно-слав. памятникахъ мы находимъ написанія *амбонъ, змюрна, презвютеръ*, передающія опять таки не средне-греч. правописаніе ἄμβων, σμύρνα, πρεσβύτερος, а средне-греч. произношеніе ámƀon, zmýrna, prezvýteros. Вслѣдствіе этого фонетику греческихъ словъ, вошедшихъ въ древнюю славянскую письменность, часто слѣдуетъ объяснять при помощи фонетики средне-греческаго языка, насколько она намъ извѣстна по памятникамъ и насколько мы можемъ о ней судить по даннымъ современныхъ ново-греческихъ говоровъ. Мы не имѣемъ намѣренія говорить о фонетикѣ этихъ словъ вообще, а имѣемъ въ виду коснуться лишь немногихъ частныхъ вопросовъ.

1.

Средне-греческій языкъ, между прочими отличіями отъ древне-греческаго [1]), имѣлъ то, что γ въ немъ переходила часто въ j (явленіе обычное въ ново-греческомъ яз.) и, на

---

[1]) Ср. G. Meyer, Griechische Grammatik, § 220.

оборотъ, j иногда переходилъ въ мягкую γ. Оба эти явленія отразились въ славянскихъ памятникахъ. Первому изъ нихъ обязаны отсутствіемъ *г* слова: др.-русск. *Ѥгитъ, Ѥюптъ* Αἴγυπτος (Святослав. Изборникъ 1073 г., Сборникъ XIII в. Имп. Публ. Б. Q. I. 18, л. 28, Лаврентьевскій списокъ лѣтописи подъ 986 г. и друг.), *Ѥории* Γεώργιος (Слова Григорія Богослова XIV в., Описаніе Синодальн. Б., 2, II, 86), *Юрии, Юргии, Юрьи* id., современн. русск. *ирмолой* εἱρμολόγιον, *налой* ἀναλόγιον. Второму явленію обязаны своимъ *г* и *ђ* слова: ц.-слав. и др.-русск. *генварь, геньварь* ἰανουάριος, *алилуги, алилугия* ἀλληλούϊα, ср.-болг. и др.-рус. *гета* ἰῶτα (изъ *гѣта*, какъ *Иѥрданъ* изъ **Иjорданъ, Иѥсифъ* изъ *Иjосифъ*; Дечанское Ев., Срезневскій, Пам. юс. п., 385; Галицкое Ев. 1143 г., л. 9; Ев. Моск. Типогр. Б. XII в. N 1, л. 8 об.; Холмское Ев. XIII в. М. Румянц. Муз., л. 159 об.), др.-сербск. *ђюстина* Ἰουστίνη Justina (изъ **Гюстина*; ср. *ђемонъ* изъ *гемонъ* ἡγεμών; Ев. XII в., Срезневскій, Свѣд. и Зам. XLVI).

2.

Въ церковно-славянскихъ и древне-русскихъ памятникахъ мы находимъ нѣсколько греческихъ словъ съ вставкою неорганическаго *г*: *Евга* Εὔα, *Левги* Λευΐ, *левгитъ* λευΐτης *Ниневгии* Νινευῆ, *Севгиръ* Σευῆρος Severus, *параскевги* παρασκευή, *алгуи* ἀλόη [1]). Обыкновенно думаютъ, что *г* этихъ словъ явилось на славянской почвѣ, но такое мнѣніе совершенно безосновательно. Не смотря на то, что въ новогреческомъ языкѣ древняя γ очень часто (передъ i и e постоянно) звучитъ какъ j или совсѣмъ не произносится, въ этомъ языкѣ сохранились еще слѣды неорганической γ: νγάllo изъ *ἐκβγάλλω = ἐκβάλλω [2]) и т. п. Ихъ особенно

---

[1]) Къ этимъ словамъ, можно, кажется, присоединить также ново-болг. *маргаз* μαρασμός (Dozon, Блъгарск. нар. п., 30).

[2]) Существуетъ мнѣніе, что νγάllo образовалось изъ ἐκβάλλω черезъ отпаденіе начальнаго ε и перестановку κ и β

много въ кипрскомъ говорѣ ново-греческаго яз., въ которомъ γ нерѣдко замѣняется черезъ κ (γεώρκιον вмѣсто γεώργιον, κεφαλαλκά изъ κεφαλαλγία), вслѣдствіе чего древняя неорганическая γ является въ немъ въ видѣ δεμάτκιον = δεμάτιον, δκιέτης = διέτης, δκιαχλόζω = διαχλόζω, δόντκιον = δδόντιον и друг. (Kuhn's Zeitschrift, XV, 182 слѣд.). Въ средне-греческомъ яз. вставка неорганической γ была, вѣроятно, довольно обычнымъ явленіемъ и ей-то обязано своимъ происхожденіемъ *г* въ слав. *Евга* и друг.

3.

Уже въ I вѣкѣ по Р. Х. древне-греч. слова на ιος и ιον въ произношеніи Грековъ имѣли стяженныя окончанія, звучавшія ις и ιν (Curtius' Studien, III, 169 слѣд.). Славяне передавали ихъ черезъ *ъ* и *ь* (сравни передачу окончанія ης черезъ *ъ*: *Іоаннъ* Ἰωάννης, *Діомидъ* Διομήδης), вслѣдствіе чего въ церковно-слав. и древне-русск. памятникахъ мы находимъ: *генварь* ἰανουάριος, *февраръ* φεβρουάριος, *мартъ* μάρτιος, *априль* ἀπρίλιος, *іюнь* ἰούνιος, *іюль* ἰούλιος, *септябрь* σεπτέμβριος, *ноябрь* νοέμβριος, *декабрь* δεκέμβριος, *пономарь* παραμονάριος, *Авьтухъ*, *Евтухъ* Εὐτύχιος, (Саввина Кн., Остромир. Ев.), *Григоръ*, *Григорь* Γρηγόριος (Савв. Кн., Супрасл. рук., Ассеман. Ев., Остромир. Ев.), *Антонъ* Ἀντώνιος, *Зиновъ* Ζηνόβιος (Ассеман. Ев.), *Евлампъ* Εὐλάμπιος, *Дометъ* Δομέτιος, *Димитръ* Δημήτριος, *Порфуръ* Πορφύρειος (Остромир. Ев.), *Анастасъ* Ἀναστάσιος (Архангельск. Ев., Стихирарь 1157 г.) и друг.; *манастырь* μοναστήριον, *псалтырь* ψαλτήριον [1]), *тропарь*, *трепарь* τροπάριον, *кондакъ* κοντάκιον, *кондакарь* κοντακάριον, *тріодь* τριώδιον, *епетрахиль* ἐπιτραχήλιον, *потиръ*, *потирь* ποτήριον и друг.

(Curtius' Studien, IV, 239), но съ нимъ нельзя согласиться уже въ виду того, что черезъ перестановку κ и β должно получиться не νγállo, а νκállo.

[1]) Окончаніе *ырь*, вмѣсто *иръ*, *ирь*, явилось подъ вліяніемъ слав. словъ на *ырь*: *пузырь*, *пустырь*, *пластырь*.

Рядомъ со словами на *ъ, ь,* передающими средне-греческое произношеніе, мы очень часто встрѣчаемъ слова на *іи, еи, іѥ, ьѥ: Григоріи, Григореи, лентии* λέντιον (Супрасл. рук.), *евангеліѥ, евангельѥ* εὐαγγέλιον; эти послѣднія передаютъ средне-греческое правописаніе.

Греческія слова на ογιον, вслѣдствіе произношенія γ какъ j, въ русскихъ памятникахъ передаются съ окончаніемъ *ой: ирмолой* εἱρμολόγιον, *налой* ἀναλόγιον и друг. Сравни ново-греч. lοróі = ὡρολόγιον (Curtius' Studien, V, 366).

4.

Вмѣсто современныхъ *Николай, Ермолай* въ памятникахъ древне-русскаго языка мы находимъ постоянно *Никола* [1]) и часто *Ермола*: стго *Ѥрмолы* (Ев. 1358 г. М. Синод. Б. N 69, л. 208), оца *Ѥрмолы* (Ев. XIV в. Срезневскій, Св. и Зам. LXXIX, 556), мчк *Ѥрмолы* (Псалтырь XIV в. М. Синод. Б. N 325, л. 189), *Ермола* Тимоѳеевъ, брату своему *Ермолѣ* Микифорову (Юридич. акты XIV в., Буслаевъ, Ист. Хрест., 558, 559) и друг. *Никола* встрѣчается постоянно въ церковно-славянскихъ, средне-болгарскихъ и древне-сербскихъ памятникахъ (между прочимъ въ Саввиной Книгѣ и Ассеман. Ев.); оно остается въ употребленіи и въ современныхъ русскомъ, сербскомъ и болгарскомъ языкахъ. *Ермола* (откуда фамилія *Ермолинъ*) употребляется теперь только въ русскомъ яз., и то очень рѣдко. Оба эти имени произошли не прямо изъ Νικόλαος, Ἑρμόλαος, а черезъ посредство средне-греческихъ сокращен-

---

[1]) Исключая зват. п., который всегда пишется *Николаѥ*. Употребительная въ нынѣшнихъ церковныхъ книгахъ форма *Николай* явилась впервые при патріархѣ Никонѣ и вызвала протестъ со стороны извѣстнаго протопопа Аввакума, который писалъ: „Николѣ чудотворцу дали имя нѣмецкое: Николай. Въ Нѣмцахъ нѣмчинъ былъ Николай, а при апостолѣхъ еретикъ былъ Николай; а во святыхъ нѣтъ нигдѣ Николая". Матеріалы для исторіи раскола за первое время его существованія, V, 293.

ныхъ Νικόλας, Ἑρμόλας; сравни съ одной стороны др.-греч. Σθενέλας при Σθενέλαος, *Λαδάμας* при *Λαοδάμας* (G. Meyer, Griech. Gramm. § 131), съ другой—слав. *Андрея* Ἀνδρέας, *Θома* Θωμᾶς и т. п.

5.

Греческое *μοναστήριον* въ церковно-слав. Супрасльской рукописи и древне-русскихъ памятникахъ передается постоянно не черезъ *монастырь*, какъ бы слѣдовало ожидать, а черезъ *манастырь*. Къ этой послѣдней формѣ восходятъ сѣв.-в.-русск. *манастырь* (Гильфердингъ, Онежск. Был., 292, 303 и др.), малорусск. *манастирь, манастиръ*, ново-болг. *манастир, мънастир*, сербск. *намастир*. Греческое *μονομάχος* въ новгородской Кормчей XIII вѣка передается черезъ *манамахъ* (Извѣстія Ак. Н., X, 628, bis); въ болѣе позднихъ памятникахъ, кромѣ *мономахъ*, оно передается также черезъ *манамахъ* (Дубенскій Сборникъ XVI в., Срезневскій, Св. и Зам., LVII, 319), *маномахъ* (Хронографъ XVII в.; Поповъ, Обзоръ хронографовъ, II, 252). Очевидно, что Славяне не замѣняли въ этихъ словахъ греческаго *о* своимъ *а* (они, какъ извѣстно, очень часто поступали на оборотъ и замѣняли греч. *а* своимъ *о*), а перенесли ихъ въ свой языкъ въ томъ видѣ, въ какомъ нашли ихъ въ произношеніи Грековъ византійскаго періода, и что нѣкоторая часть этихъ послѣднихъ, вмѣсто *μόνος*, говорила *μάνος* [1]). Наше заключеніе подтверждается тѣмъ

---

[1]) Съ *а* въ *манастырь, манамахъ* и предполагаемомъ ср.-греч. μάνος сравни *а* въ др.-русскихъ словахъ: *Соломанъ* Σολομῶν (Минея XIII—XIV в. М. Публич. М. N 1205, л. 10 об.; Лаврент. сп. лѣтоп., passim), *араматы, арамафы* ἀρόματα (Добрилово Ев., л. 14; Ев. Георгія сына попа Лотыша, л. 8 об.; Ев. XIII в. Имп. Публ. Б. F. I. 6, л. 9 об., и др.), *сукомарія* συκομορία (Ев. XIII—XIV в. М. Румянц. М. N 107, л. 63; Ев. XIV в. того же М. N 109, л. 92), *арганъ* ὄργανον (Минея XIII—XIV в. М. Публ. М. N 1205, л. 14; Параклитъ 1369 г. М. Синод. Б., л. 36), а также *а* въ ново-болг. *мари* μωρή (при *море* μωρέ).

обстоятельствомъ, что Ново-греки, живущіе на островѣ Кипрѣ, вмѣсто μοναχός, обыкновенно говорятъ μανηχός (Kuhn's Z., XV, 180) [1]).

6.

Вмѣстѣ съ греческими словами церковно-слав. языкъ заимствовалъ отъ Грековъ букву ѳ. Въ ц.-слав. памятникахъ эта буква иногда замѣняется буквою *т* (Ассеманіево Ев.: *Тγрсъ* Θύρσος, *Теофилъ* Θεόφιλος и т. п.), точно такъ же, какъ и въ памятникахъ средне-болгарскихъ и сербскихъ, а изрѣдка, въ отдѣльныхъ случаяхъ, и въ др.-русскихъ: Изборникъ Святославовъ 1073 г. (лл. 30 об., 36 и др.), Минея XI в. Имп. Публ. Библ. (F. I. 36, л. 12): *тьмьянъ* θυμίαμα, Юрьевское Ев. (л. 226): *тьмьанъ* и др. Такого рода замѣна имѣетъ причиною, конечно, то, что у Грековъ византійскаго періода ϑ произносилась близко къ слав. *т*, а иногда и совсѣмъ какъ *т* (сравн. ново-греч. oχtrós = ἐχθρός). Рядомъ съ этою замѣною существуетъ другая, замѣна ѳ черезъ *ф* и на оборотъ. Она рѣдка въ памятникахъ ц.-славянскихъ: Зографское Ев.: *Вифанія* Βηθανία [2]); менѣе рѣдка въ средне-болгарскихъ: кирилловское дополненіе къ Зографскому Ев.: *Евстафии* Εὐστάθιος, *Фирсъ* Θύρσος, *Аффонии* Ἀφθόνιος (Срезневскій, Свѣд. и Зам., XVI), Зографскій Трефолой: *Елевферии* Ἐλευθέριος, *Феофистъ* Θεόπιστος. (ib. LXVIII), Македонскій Апостолъ:

---

[1]) Кипрское μανηχός наводитъ насъ на мысль, что ц.-слав., др.-русск. и др.-сербск. *мнихъ* вовсе не происходитъ отъ др.-в.-нѣм. munich, какъ обыкновенно предполагаютъ, а восходитъ къ средне-греч. *μονηχός, *μανηχός, произносившемуся иногда съ выпускомъ гласнаго послѣ μ (сравни др.-русск. *пармия* παροιμία въ Уставѣ церк. XII в. М. Синод. Б., лл. 24, 25, 32 об. и др., *сноксарь* συναξάριον въ томъ же памятникѣ, лл. 48 об., 66 об. и др., а также Curtius' Studien, IV, 272). Слова *монахъ* и производныхъ отъ него не встрѣчается въ памятникахъ ни церковно-славянскихъ, ни древне-русскихъ.

[2]) Надо впрочемъ имѣть въ виду, что глаголическій знакъ, означающій *ф*, по всей вѣроятности ведетъ свое начало отъ греческой ϑ.

Θилипъ Φίλιππος, *Паньθилъ* Πάμφιλος, *Θилонидъ* Φιλονίδης (ib. LXXII), и вполнѣ обыкновенна въ памятникахъ русскихъ, начиная съ Изборника Святославова 1073 г., гдѣ мы читаемъ: *анфракъсъ* ἄνθραξ, *сапъθиръ* σάπφειρος и друг. [1]). Обыкновенно думаютъ, что Русскіе потому стали употреблять *ф* вмѣсто *θ* и наоборотъ, что не имѣя въ своемъ языкѣ звуковъ, соотвѣтствующихъ этимъ буквамъ, не были въ состояніи различать ихъ, но съ этимъ нельзя согласиться въ виду существованія такого же употребленія *θ* и *ф* у Болгаръ; нѣтъ сомнѣнія, что замѣна *θ* черезъ *ф* и наоборотъ получила свое начало не на русской почвѣ. Весьма возможно, что она началась и не на славянской почвѣ, а на греческой, и была не особенно рѣдка въ нѣкоторыхъ средне-греческихъ діалектахъ Балканскаго полуострова. По крайней мѣрѣ на это указываетъ f на мѣстѣ древне-греч. ϑ въ словахъ, заимствованныхъ албанскимъ и румынскимъ яз. изъ греческаго безъ посредства славянскаго: алб. fron=греч. ϑρόνος, рум. firidi-le=греч. ϑυρίδιον (Miklosich, Lautlehre d. rumunischen Dialecte. Consonantismus, II, 89, 90); на это же указываетъ встрѣчающаяся иногда въ ново-греческихъ діалектахъ замѣна древней ϑ черезъ φ и на оборотъ: φιχάρι = др. греч. *ϑηχάριον (отъ ϑήκη), ἀξάϑνου = ἐξαίφνης, uϑi = ὄφις (Curtius' Studien z. gr. u. lat. Gr., III, 351).

7.

Въ Четьѣ 1489 года Церковно-археологическаго Музея при Кіевской Духовной Академіи мы встрѣтили слово *дафина* = δάφνη (подъ дрѣвомъ *дяфиною*, л. 15). Это слово

[1]) Какъ извѣстно, *θ* въ древней кирилловской письменности означаетъ число 9; *ф*, обыкновенно употребляющійся для означенія 500, иногда замѣняетъ *θ* и въ этомъ значеніи: средне-болг. Македонскій Апостолъ: вь .ф҃. годинѫ ὥραν ἐνάτην (Срезневскій, Свѣд. и Зам., LXXII), русскій Прологъ 1383 г. Моск. Типограф. Библ.: м҃ца тогожъ въ .ф҃. (л. 106 об.). Въ глаголическихъ памятникахъ, *θ* не имѣетъ особаго числоваго значенія, и употребляется, вмѣстѣ съ *ф*, для означенія 500.

мы находимъ также въ языкахъ ново-болгарскомъ *(дафина)* и сербскомъ (ст.-сербск. *дафина*, соврем. *давина*). У Грековъ, или у Славянъ явилось въ этомъ словѣ *и* послѣ *ф*? Для рѣшенія этого вопроса представляетъ нѣкоторыя данныя латинскій языкъ. Въ немъ мы находимъ Daphine=Δάφνη, mina=μνᾶ, guminasium=γυμνάσιον и т. п. (Ritschl, Opuscula philologica, II, 483 sq.). Вставку гласнаго въ приведенныхъ латинскихъ словахъ и имъ подобныхъ обыкновенно относятъ на счетъ латинской фонетики, но едва ли не безъ основанія: въ виду совпаденія слав. *дафина* и лат. Daphine, кажется, вѣрнѣе думать, что вставка гласнаго въ этомъ словѣ и въ другихъ подобныхъ произошла на греческой почвѣ (сравни др.-греч. σκάριφος при σκαρφίον).

Такъ же можно объяснить *и* въ ст.-сербск. *аспалитъ* ἄσφαλτος, *понитьскъ*, *пунитьскъ* πόντιος (Miklosich, Lex., h. v.), др.-русск. *кинисъ* κῆνσος census, *кинисьнъ* и т. п.

8.

Въ древне-русскихъ рукописяхъ попадаются такія написанія, какъ *септямбрь* (Архангел. Ев., л. 132 об., 155), *октямбрь* (Стихирарь 1157 г., л. 19), *ноямбрь* (Арх. Ев., л. 155 об., Стихирарь, л. 31 об., 105 об.), *декямбрь* (Арх. Ев., л. 155, Стих., л. 106), *пянтикостия* πεντηκοστή (Арх. Ев., л. 24 об., 155), *Климянтъ* Κλήμης Clemens (Ев. Типогр. Б. XII—XIII в. N 6, л. 201 об.), *Костянтинъ* Κωνσταντῖνος (Арх. Ев., л. 113, Стихир., л. 127, Лаврентьевск. сп. лѣтописи passim) [1]), *Пянтелѣимонъ* Παντελεήμων (Стих. л. 161 об., запись въ Синодальномъ Апостолѣ 1307 г.) и др. Подобныя написанія встрѣчаются также въ ц.-славянскихъ, ср.-болг. и др.-сербскихъ памятникахъ: въ ц.-слав. Супрасльской рук. *декѩмбръ*, въ ср.-болг. Терное-

[1]) Изъ *Костянтинъ* образовалось др.-рус. *Късятинъ*, *Късятинь* (Святосл. Изборникъ 1073 г., л. 95 об.: въ *Късятини* градѣ; л. 168: *Късятиня* града), *Късячько* (Кормчая XIII в., Бусл., Ист. Хр., 393). Сравни ц.-слав. и др.-р. *късьнъ*, *късьнѣти*.

скомъ Ев. 1273 г. *ножмбрь*, въ сербск. Шишатовацкомъ Ап. *ноѥмбрь* и др. Очевидно, что носовой согласный получилъ свое начало на церк.-слав. почвѣ. Происхожденіе его объясняется слѣдующимъ. Въ средне-греч. языкѣ или еще совсѣмъ не было носовыхъ гласныхъ, подобныхъ ц.-слав. юсамъ, или—что вѣрнѣе—они были, но не въ тѣхъ говорахъ, съ которыми были знакомы Славяне. Привыкши къ носовымъ гласнымъ и не зная употребленія группы гласный + носовый согласный + согласный, Славяне передѣлали согласно съ своимъ произношеніемъ нѣкоторыя греч. слова, и такимъ обр. въ ц.-сл. памятн., рядомъ съ написаніями въ родѣ *Александръ*, *Кондратъ*, передававшими греч. произношеніе и правописаніе, явились написанія *септѧбрь*, *сѫбота*, *Лѫгинъ* и т. п. Такъ какъ эти послѣднія невполнѣ соотвѣтствовали по звукамъ своимъ греч. первообразамъ, то съ теченіемъ времени у слав. граммотниковъ явилось стремленіе сблизить тѣ и другіе между собою. Результатомъ его были тѣ написанія, которыя передавали одновременно и привычный для Славянъ носовой гласный, и греч. носовой согласный [1]) и которыхъ примѣры мы привели выше.

9.

Нѣкоторыя греч. слова, начинающіяся съ *з* (ζ, σ), въ русскомъ яз. передъ этимъ *з* иногда имѣютъ еще *и*. Таковы: ζωγράφος—др.-р. *изографъ*, *изуграфъ*, σμάραγδος—др.-р. *измарагдъ*, σμύρνα—др.-р. смѣшеньѥ *измюрноѥ* (Ев. 1358 г. М. Синод. Б. N 69, л. 189 об.), Σμύρνα — др.-р. во *Ізмюрну* (Толк. Апокалипсисъ XIV в. М. Румянц. М. N 8, л. 9), Ζωσημᾶς — др.-р. *Изосима*, *Изосимъ* (Тихонравовъ, Пам. отреч. р. литер., II[1], 78 сл.; Буслаевъ, Ист. Хр., 941, и др.), Ζαχαρίας — др.-р. ѿ пророчьства *Изахарина*

---

[1]) Въ др.-русскихъ рукописяхъ въ словѣ *сеnтямбрь* и др. *м* иногда ставилось надъ строкою въ титлѣ такимъ образомъ: *сеп*^{м}*тябрь* (Уставъ Церк. М. Синод. Б. XII в. N 330, л. 281 об.). При неправильномъ чтеніи такого написанія получилось *семптябрь* (Уставъ, л. 67), откуда *сентябрь* (Лѣт. по Ип. сп. 124)

(Паремейникъ XIII в. М. Типогр. Б. N 157, л. 9), Ζωτικός — соврем. р. *Изотъ* [1]).

Въ памятникахъ средне-болгарскихъ словъ, подобныхъ вышеприведеннымъ, намъ не встрѣчалось; въ ново-болг. сборникѣ XVIII в. мы нашли слово *измирна* (Качановскій, Памятники болг. народн. творчества, 49); то же слово употребляется въ памятникахъ сербскихъ (Miklosich, Lex.).

Ни въ древне-русскомъ яз., ни въ южно-слав. нарѣчіяхъ въ словахъ не греческаго происхожденія не существуетъ приставки къ начальному *з* неорганическаго *и* [2]). Не должно ли это *и* считать принадлежавшимъ одному изъ средне-греч. говоровъ и изъ него перешедшимъ въ славянскій яз.? Въ ново-греч. яз. словъ съ неорганическимъ *и* передъ начальнымъ *з*, сколько намъ извѣстно, нѣтъ, но это не можетъ препятствовать намъ дать на нашъ вопросъ положительный отвѣтъ: 1) въ ново-греч. яз. начальный неударяемый гласный очень часто апокопируется и 2) передъ нѣкоторыми другими согласными неорганическое *и* встрѣчается (ἰδρό=δρῦς, ἴσκιος=σκιά).

---

[1]) Къ этимъ словамъ можно присоединить соврем. рус. *известь, извёстка* (сравни Miklosich, Lex., v. *извисть*, и Буслаевъ, Ист. Хр., 652) = др.-греч. ἄσβεστος, ново-греч. ἀσβέστης, σβέστης.

[2]) Въ Святославъ. Изборникѣ 1073 г. и другихъ др.-рус. памятникахъ встрѣчается слово *изъкръ* (въ Изб.: вирулионъ *изъкръ* убо ѥсть), которое иногда пишется и *зъкръ*. Такъ какъ этимологія этого слова неясна, то объ *и* передъ *з* мы не можемъ сказать ничего опредѣленнаго. Быть можетъ, *изъкръ* есть не что иное, какъ *из+зъкръ*.

10.

На мѣстѣ др.-греч. εο въ словахъ, заимствованныхъ изъ греч., мы находимъ иногда *о*: ср.-болг. *Ѳодоръ* (надпись 1230 года; Срезневскій, Св. и Зам. LXXXI, 10), *Тодоръ* (грам. до 1278 г.; ib., 15), ново-болг. и сербск. *Тодор*, *Тодора* Θεόδωρος, Θεοδώρα, малорусск. *Ходоръ* (въ припискѣ XIV вѣка къ такъ наз. Галицкому Ев. 1143 г., л. 111 об.: *Ходора*; въ галицкихъ грамотахъ: 1371 года: *Ходоръ*, 1400 г.: *Ходоро*), др. русск. *Ѳофилактъ* (въ Указателѣ еванг. чтеній XIII—XIV в. при такъ наз. Галицк. Еванг. 1143 г., л. 251), *Ѳоѳанъ* (ib.), соврем. великорусск. *Фофанъ* Θεοφάνης. Это *о* вмѣсто εο явилось на греческой почвѣ: сравни новогреч. Θόδωρος,—и при томъ довольно рано. Въ одной мегарской надписи мы читаемъ: Θόγνητος = Θεόγνητος (Foy, Lautsystem d. griech. Vulgärsprache, 128). По всей вѣроятности, на греческой же почвѣ и также очень рано развилось и то *у* вмѣсто εο, которое мы находимъ въ средне-болг. и др.-русск. *Тудоръ* Θεόδωρος (Срезневскій, Свѣд. и Зам., LXXXI, 17, Лѣтопись по Ипатск. сп., 229) и въ русск. *Юрій*, *Юрьь*, *Юргій* Γεώργιος; сравни др.-греч. Θουκυδίδης из Θεοκ-, визант. Θουδόσιος и др.

11.

Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что въ греческомъ яз. византійской эпохи, какъ и во всякомъ другомъ яз., одни слова оказывали вліяніе на другія. Само собою разумѣется, что словами вліявшими были тѣ, которыя употреблялись часто и были греческаго происхожденія, а словами, подвергшимися вліянію,—слова, вошедшія въ греч. яз. изъ латинскаго, еврейскаго, сирійскаго яз., и тѣ изъ

греческихъ, которыя были мало употребительны. Слѣды этого вліянія однихъ словъ на другія въ греч. памятникахъ замѣтны очень мало, такъ какъ греч. писцы здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, придерживались установившагося правописанія; но они видны въ рукописяхъ славянскихъ, въ которыя слав. переводчики и переписчики внесли слова, взятыя у Грековъ въ томъ видѣ, какъ Греки ихъ произносили. Къ числу ихъ (мы укажемъ лишь на немногія) можно относить: ст.-сербск. *Анѳини*, *Антинъ* Ἀθῆναι; здѣсь *н* возникло на греч. почвѣ благодаря вліянію словъ ἄνθος и производныхъ; сравни ново-греч. македонское Ἀνθῆνα (Foy, Lautsystem d. griech. Vulgärspr., 130); др.-русск. и ст.-сербск. *Андриянъ* Ἁδριανός Hardianus; здѣсь *н* возникло вслѣдствіе вліянія словъ ἀνήρ — ἀνδρός, ἀνδρεῖος и др.; др.-русск. *деместикъ* (между прочимъ въ Житіи Ѳеодосія Печ. по сп. XII вѣка) δομέστικος, domesticus; здѣсь *е* явилось благодаря вліянію словъ въ родѣ δέμας; др.-русск., ср.-болг. и ст.-сербск. *ендиктъ* indictio; здѣсь *е* обязано своимъ происхожденіемъ словамъ съ префиксомъ ἐν-; ст.-серб. Ѥнории Ὁνώριος Honorius; здѣсь *е* явилось изъ словъ въ родѣ ἐνορία; др.-русск. *Перфѵріи*, *Перфуріи*, соврем. русск. *Перфилій*, *Перфилъ*, *Перхуръ* (Минея XI в. Типогр. Библ. N 214, л. 3: *Перѳѵрие*) Πορφύρειος; здѣсь *е* явилось изъ словъ, начинающихся съ περ-, περι-; др.-русск. *Селунь* Σαλονίκη; здѣсь *е* возникло подъ вліяніемъ словъ σέλας, σελήνη и др.; др.-русск. *трепарь* (Уставъ Церк. XI—XII в. Типогр. Б. N 285, passim) τροπάριον; здѣсь *е* явилось изъ τρέπω и производныхъ; др.-русск. *Ѳема*, *Фема* (Мстислав. Ев. 1125 г., Добрилово Ев. 1164 г., Праздники XII—XIII в. Тип. Б. N 331 и др.) Θωμᾶς; здѣсь *е* явилось изъ словъ въ родѣ θέμα, θεμέλιον.

Подобно приведеннымъ словамъ, кажется, надобно объяснять и слово *тряпеза* τράπεζα, встрѣчающееся очень часто въ древне-русскихъ рукописяхъ, начиная съ Святославова Изборника 1073 г.: подъ *трѧпезоѭ*, л. 102, *трѧпезу*, лл. 120, 155 об., 185 об. Рядомъ съ нимъ встрѣчается изрѣдка также *трепеза*, *трьпеза*: вкушааху *трепезъ*,

Свят. Изб., л. 168 об., *трьпезу*, л. 114 об., *-зѣ*, л. 182[1]. Позволительно думать, что слово τράπεζα у Грековъ подчинилось вліянію словъ, начинающихся съ τρια- (τριακόσιοι, τριαντάφυλλον и т. п.), и стало произноситься τριάπεζα, т. е. трьяпеза или тряпеза, что затѣмъ изъ этой послѣдней формы развилась форма τρέπεζα (сравни ново-греч. γενάρης, т. е. jenaris, изъ ἰανουάριος, ново-болг. *трендафилъ* τριαντάφυλλον) и что др.-русскія формы обязаны своимъ происхожденіемъ этому двоякому произношенію слова τράπεζα.

12.

Изъ числа словъ, вошедшихъ въ церк.-славянскій, русскій, сербскій, болгарскій яз., нѣкоторыя могутъ быть признаваемы за латинскія. Таковы въ церк.-слав. языкѣ слова: *крыжь* crux (греч. σταυρός), *олтарь* altare (греч. θυσιαστήριον), *цръкы* circus (?), *цѣсарь, цесарь, цьсарь* caesar, *поганъ* paganus, *оцьтъ* acetum, *олѣи* oleum, *костелъ* castellum, *колада* calendae; таковы же слова старо-сербск. *костань* castanea, соврем. сербск. и ново-болг. *клисура* clausura, *муле* mulus, *пуле* pullus, ново-болг. *цер* (родъ дуба) cerrus, *бакълъ* poculum, *хурка, фурка* furca. Обыкновенно думаютъ, что эти и подобныя имъ слова заимствованы Славянами у потомковъ тѣхъ римскихъ колонистовъ, которые поселились когда-то на Балканскомъ полуостровѣ (Дриновъ, Заселеніе Балк. полуострова Славянами, 140—141). Мы ничего не имѣемъ противъ этого мнѣнія и полагаемъ, что *нѣкоторыя* изъ приведенныхъ словъ дѣйствительно могли войти въ слав. яз. непосредственно изъ латинск.; но намъ кажется болѣе вѣроятнымъ, что многія изъ нихъ вошли въ него инымъ путемъ. Оффиціальнымъ языкомъ восточной римской имперіи долгое время, по крайней мѣрѣ до Юстиніана Вел., былъ языкъ латинскій; на

---

[1]) *Трепеза* часто встрѣчается также въ церк.-слав. Зографск. Ев. и Супрасльской рук.; въ Клоцовомъ Глаголитѣ мы читаемъ: *трѣпѣза,=тряпеза?*

томъ же языкѣ, вѣроятно, говорилъ высшій классъ византійскаго общества; въ византійскихъ литературныхъ памятникахъ (особенно юридическихъ) мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ латинскихъ словъ. Многія латинскія слова вошли въ народный греч. языкъ византійской эпохи; нѣкоторыя изъ нихъ сохранили при этомъ латинское произношеніе [1]). Одни изъ этихъ словъ (какъ слово *πάγανος* paganus, встрѣчающееся у Анны Комниной) съ теченіемъ времени исчезли изъ греч. яз.; другія же остаются въ немъ и до сихъ поръ; таковы ново-греч. *κούρσαρος* cursor, *ταβερνάρις* tabernarius, *καστέλι* castellum, *κάστανον* castanea, *κλισούρα* clausura. Если мы сравнимъ приведенныя ново-греч. слова съ тѣми, которыя считаются вошедшими въ слав. яз. изъ лат., то увидимъ, что есть полное основаніе признавать слова *поганъ*, *костелъ*, *костань*, *клисура* за заимствованныя Славянами у Грековъ. Вслѣдствіе этого представляется возможность допустить, что и другія слова: *оцьтъ*, *цѣсарь*, *олтарь*, *колѧда* и т. п. [2]), перешли къ Славянамъ также чрезъ посредство Грековъ.

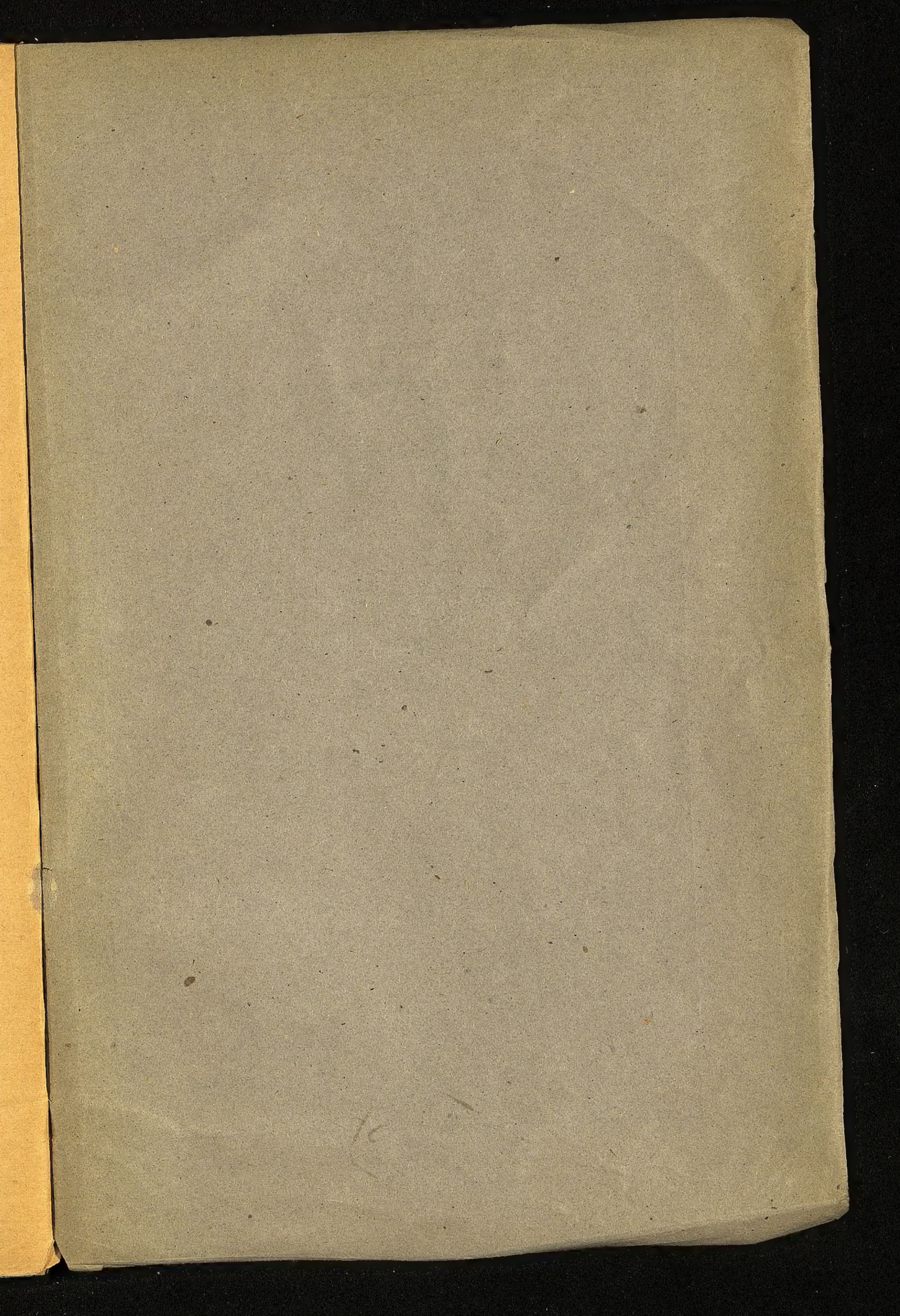

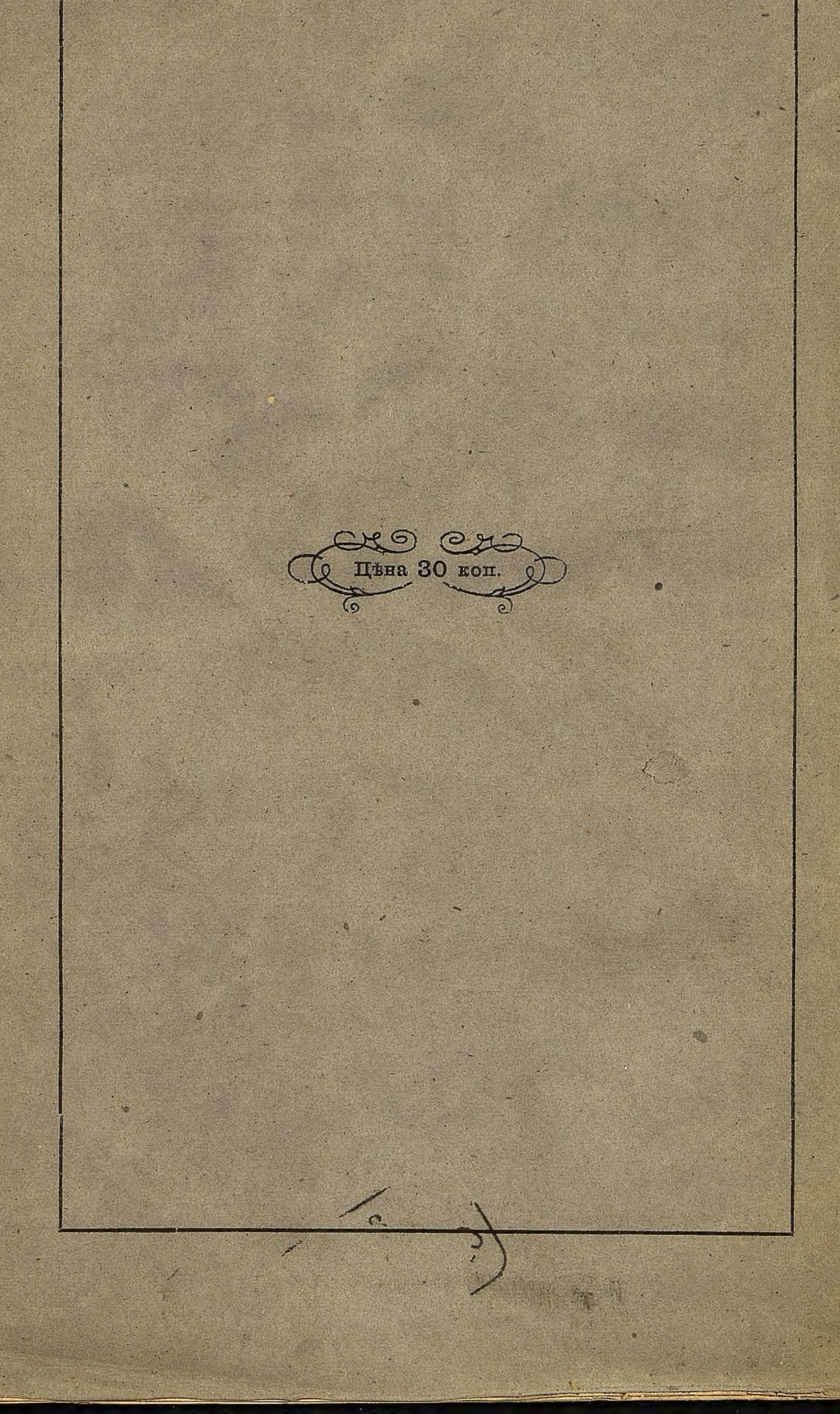
[1]) Латинское произношеніе сохранилось у Грековъ также въ нѣкоторыхъ латинскихъ собственныхъ именахъ; поэтому въ нашихъ древнихъ рукописяхъ лат. Benedictus=греч. Βενέδικτος передается иногда не черезъ *Венедиктъ*, какъ слѣдовало бы ожидать, а черезъ *Бенедиктъ* (наприм., въ Указат. еванг. чт. XIII—XIV в. при Ев. 1143 г., л. 251 об., въ Псалтыри XIV в. М. Синод. Библ. N 325, л. 189 об.).

[2]) Слав. *оцьтъ* можетъ происходить только изъ áceton (такъ Греки должны были передѣлать лат. acētum), такъ какъ ударяемое греч. *е* въ слав. всегда передается также черезъ *е*. Съ *колѧда* сравни ср.-греч. καλάνδαι.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

Цѣна 30 коп.